

Мой глупый друг

Пилигримы, трубадуры, лицедеи и прочий сброд, - все они - часть моего существования. Также, как и обязанность ежедневно заверять хозяина постоялого двора, что со дня на день наша труппа получит нечто больше похожее на деньги, чем яичница с вялым пятаком хрюковизглого вепря. Сам давно уже не верю в это, но продолжаю твердить о том упоительном мгновении, когда мы, наконец, расплатимся за всё разом. Хоть и не значусь я в почитателях у натянутых улыбок и лицемерных поклонов, но ничего не попишешь, они позволяют ещё какое-то время жить внутри гостиницы, а не возле неё. Вот и сейчас краснощёкий хозяин с озабочено-серьёзной миной притопал ко мне, бесцеремонно нарушив скромное уединение, а я только-только собирался залить горе доброй порцией выкрутня.

- Господин Мызготряс! - сердито опередил я его возглас.

Он растерянно застыл с воздетым к потолку избличающим перстом. Тоже мне «перст». Спроси меня, так больше походит на баранью сосиску.

- Сэр Буфф, - пролопотал он, - не соблаговолите ли обозначить точную дату?

- Соблаговолю, мой друг, соблаговолю, - я поманил его пальцем, он наклонился, подставляя мне мясистое ухо. - Аккурат в день шестипалого лемминга вы получите ваши деньги.

Он тут же возмущённо выпрямился, багровея на глазах.

- Никто не знает, когда наступит этот день, даже ваш друг чародей!

Разведя руки в стороны, я отвесил лёгкий поклон, тем самым подтвердив неоспоримость его правоты. Он принялся сердито пыхтеть, переминаясь с ноги на ногу, но это только забавляло.

- Кстати, как ваша Пышка? – я попытался перевести разговор на другую тему.

- Которая? - осведомился хозяин, всё ещё скрипя зубами.

- Та, что посвежее.

- Так она цельное утро у ворот пропадает, вашего друга высматривает. Всю плешь мне проела. Хочу, говорит, папенька, чародейшей стать, женой чародея то бишь. А на кой ляд мне такая радость, вот скажите, сэр Буфф?

Хозяин совершенно переменялся в лице, и теперь его негодование уже не предназначалось мне, что, несомненно, было только на руку. Я изобразил глубокое сочувствие. Что-что, а играть роль у меня выходило отменно, в особенности тогда, когда никто не подозревал о начале спектакля.

- Этот ваш сэр Игрис ничего тяжелее своей скрипочки, верно, и в руках-то не держал. Небось, день-деньской знай себе под кустом сидит и пилит всё, пилит. А чего он пилит, вот вы знаете?

Хозяин уставился на меня, ожидая ответа. Я пожал плечами. Мой друг был способен на многое, но совершенно не кичился умениями и без особой надобности их не выявлял, оттого и мне претило обсуждать его прошлое и настоящее. Но хозяин, похоже, решил расценить это по-своему:

- Вот и я не знаю. Сегодня только глаза продрал, ещё петухи не орали, гляжу, а он уже у ворот. Я бегом, кричу: «Чай намылились куда, сэр Игрис?» А он только рукой махнул и в воздухе растворился. Так я этой дуре всё и высказал. За каким рожном, говорю, тебе такой муж понадобился? Ты же его к юбке не пришьёшь, а ежели и пришьёшь, так он только пых, чварк и поминай, как звали.

Он комично надул щёки, сложил губы трубочкой и разом выпустил воздух. Звук получился такой, будто кто на пузырчатую жабу наступил.

- И что, даже не сказал когда вернётся? – я уже с трудом сдерживал смех.

- Ещё чего! Я же говорю, чварк и дело с концом, - он осмотрелся и понизил голос. - Его даже Загрызик боится, всё норовит в сарайчике укрыться. А сарайшко-то хлипковат такого телка в себе удерживать. Боюсь, развалится, вам вовек не расплатиться.

- Неужто даже Загрыз? – я придал своему лицу крайне удивлённый вид, дабы поскорее увести хозяина от денежной темы.

- Чтоб мне вовек не прочихаться!

Вторя словам, таверну оглушил душераздирающий вой вперемежку с визгливым лаем. Тотчас же под ноги хозяину бросился коричневый пёс размером с двухнедельного телёнка. Шерсть на его загривке топорщилась, а тело ходило ходуном, как от сильного обморожения.

- Загрызик, - выдохнул ошеломлённый хозяин.

Я перевёл любопытный взгляд с испуганной до колик собаки на предмет её отчаяния. В дверях таверны, улыбаясь, стоял мой друг. Сказать, что у него был чудной вид, это не сказать ничего. Одежей он походил на старого безволосого кота: так же обтянут тёмной, сморщенной в самых неожиданных местах, кожей, но вдобавок ещё и с нелепой металлической полосой вдоль груди. Только по светлым кудрям, да рябому лицу узнавалось, что это невиданное пугалище и есть сэр Игрис - маг, волшебник и просто славнейший малый.

- Загрыз, зачем убегаешь? - ласково спросил он, приближаясь к собаке, отчего та затряслась ещё сильнее. - Это же подарок. Тебе.

Только теперь я заметил в его руках непонятный шарообразный предмет, раскрашенный в ядовито-яркие цвета.

- Гляди, как здорово, - весело вскричал Игрис, сдавливая в пальцах цветастый шар.

Тот издал такой писк, что даже я не удержался, чтобы не зажать уши. Несчастный пёс же с протяжным воем унёсся прочь, посбивав на своём пути все деревянные лавки и оставив позади себя позорный мокрый след.

- А чтоб тебя тролли сожрали, - сердито прошипел хозяин и спешно удалился вслед за псом.

- Странно, - расстроенный чародей сел напротив меня. - Лавочник сказал, изготовлено специально для собак.

Он пожал плечами и снова сжал шар. На этот раз звук получился сродни тому, что издаёт приличных размеров крыса когда её придавило оглоблей.

- Наврал твой лавочник, - сердито сказал я, растирая болезненно свербящие уши. - От такого не то что псина, человек издохнуть может.

Мой друг порядком сник, потому я решил быстро сменить тему:

- Куда ты отправился на этот раз?

Улыбка озарила его лицо почти мгновенно.

- Невероятное путешествие! Я теперь хочу показать Алкест железных чудищ и множественные солнца, которые вспыхивают при наступлении ночи, потому что ты же знаешь её, она всегда только и делает, что смеётся...

- Нет, - я резко оборвал его пылкую речь.

Он изумлённо замолчал.

- Я не знаю Алкест. Кто это?

- Девушка, - он отвёл взгляд. - Невеста.

- Чья? - я был удивлён как никогда.

Невеста у Игриса? Невозможно! С его-то любовью к внезапным исчезновениям, глупой нерешительностью и нелепыми фразами, которыми он, порой, доводит девушек до истерического приступа хохота, и вдруг одна из них решилась связать с ним судьбу? Да быть того не может.

- Моя, - он глянул с вызовом. - Разве только ты один можешь нравиться женщинам?

- Почему? – я издевательски ухмыльнулся. – Совсем наоборот, это я должен тебе завидовать. Пышка сегодня всё утро тебя высматривала.

Игрис чересчур наивен, и обычно мне доставляет удовольствие видеть, как он краснеет, стоит мне упомянуть о хозяйской дочке. Красавица с самого нашего появления здесь не сводит с него глаз, а тот всё никак не решится с ней заговорить. Но сейчас моего друга словно подменили: Игрис словно не слышал моих слов, а его задумчивый взгляд порядком настораживал.

- Отчего она задерживается, ты не знаешь?

- Да кто? Можешь толком сказать?

Он вдруг стал серьёзным и, порывшись в прорезях дурацкого одеяния, выудил на свет небольшой мешочек.

- Друг мой, сегодня я пришёл отдать тебе всё то, что имею, ибо мне придётся покинуть город, - проговорил он словами из последней постановки, что мы играли на днях у городской ратуши.

- Надолго в этот раз? – я решил подыграть ему.

Он посмотрел мне в глаза так, будто просил прощенья.

- Боюсь, навсегда.

Вот тут я испугался. Неужто, он решился покинуть нас? Неужто, один из миров, о которых он с таким упоением рассказывает, таки приманил его своей лживой мишурой? Стараясь, чтобы мой голос не выдал волнения, я осторожно проговорил:

- Я никогда не спрашивал, отчего ты сегодня здесь, а завтра пропал, и тебя не видно и не слышно десятки дней. Но сегодня ты вот так приходишь и говоришь, что мы больше никогда не свидимся. Скажи, после стольких лет, я хотя бы заслужил узнать, что с тобой стряслось?

- Конечно, - он наклонился ближе, - только моя история должна остаться тайной.

Я прижал ладонь к груди и начертил в воздухе крест.

- Клянусь, что никому не удастся вытащить из меня ни слова, пусть даже он поджарит мне пятки и посадит голым задом на муравейник.

Игрис улыбнулся.

- Вечно ты преувеличиваешь. Слушай, - он сделал паузу. - Случилось всё в день мерзлявого хорька, после того, как мы отыграли песенное представление, и ты отправился требовать у хозяина новую ссуду.

- Это когда ты заставил меня играть на визжащей щепке, а Лина стучать по натянутому на бочки рыбьему пузырю?

- Опять ты за своё, - обиделся Игрис. - В тот вечер мы стали рок-группой, и то была не визжащая щепка, а бас-гитара. Я говорил уже сотню раз.

- Ага, и забросали нас тоже не гнилыми овощами, а эльфийской амброзией.

- Если бы ты хоть раз согласился пойти со мной, то понял бы, как горько ошибаешься.

- Ещё чего не хватало. Идти туда, где измываются над собаками, - я скривился и указал на шар, одиноко валяющийся на столе, - а ещё шастают железные чудовища и люди все сплошь безумцы и фанатики, которые любят грохот, визг и заживо гореть под множественными солнцами.

- Ты просто не знаешь, о чём говоришь! - вскричал он и вдруг лукаво прищурился. - А я рассказывал тебе, что там есть лицедеи и менестрели, которые в несколько раз богаче многих лавочников?

- Врёшь! – я даже стукнул кулаком по столу.

- Вовсе нет. Многие покупают себе специальный ящик, чтобы целыми днями глазеть на таких как ты.

- А те, в свою очередь, добровольно лезут в ящик? – я скептически усмехнулся.

- Не знаю. Сам видел его лишь однажды, но тогда внутри все ругались.

- Ещё бы им не поругаться, в ящике-то, поди, особо и не развернёшься, чтобы локтём в нос кому не заехать.

Он покачал головой.

- Так тебе интересна моя история или нет?

- Выкладывай! – устроившись на лавке поудобнее, я пригубил забористого хозяйского выкрутня и обратился в слух.

- Так вот, ты вернулся тогда на постоянный двор, а я решил прогуляться до Зудящего леса.

Я поперхнулся.

- Куда-куда прогуляться? Да никто в здравом уме не отправится в пограничные земли!

Игрис обижено засопел. Я сделал ещё глоток и показным жестом зажал себе ладонью рот.

- Ты и тогда говорил в точности так же, - продолжил маг. – Вот мне и стало интересно, чего это все так страшатся. И скажу тебе, друг мой, совершенно правильно я поступил, что не поверил людским байкам. Хотя, признаюсь, поначалу Зудящий лес показался мне довольно скучным, потому как за исключением постоянных комариных атак, со мной ровным счётом ничего не случилось. Однако вскоре я ощутил чужое присутствие.

- Святой опоссум! Тебя ограбили, - выпалил я, скорее утверждая, нежели спрашивая.

- Нет, - он мотнул головой.

- Избили? – не унимался я.

- Да нет, же! Ты дослушай, - он нахмурился, но вдруг заулыбался. – Когда наступила ночь, я думал развести костёр, но потом решил не портить очарования, которое обрёл лес при свете полной луны.

- Ещё и полнолуние, - опять не удержался я.

- Именно, - он прижал ладони к груди. – Это тот единственный миг, когда тайное становится явным, а видимое уходит под покровы владычествующей над миром тьмы. Самое время совершить нечто очень важное...

- Да уж, самое время ноги в руки и драпать, пока не огрёт.

Он сделал вид, что не заметил моей реплики.

- И, на этот раз, я был рад, что прихватил с собой скрипку.

- Ты что пиликал на весь лес?

Он закрыл глаза и его голос зазвучал так, будто он читает одну из своих волшебных пьес.

- Я играл. Быть может эта ночь или эта луна подарили мне чудо, но я играл как никогда раньше. Моя скрипка отчаянно звала кого-то, она плакала и пела. Звуки взмывали над лесом, словно незримый туман, окутывая всё вокруг. Вначале я почувствовал тонкий аромат перечной мяты, а затем появилась она.

Мне показалось, я перестал дышать, замороженно глядя на его восторженное лицо и бледные пальцы, сжимающие кожаный ворот.

- Она танцевала. Её танец не был похож на те неуклюжие прыжки, что исполняет Лин, изображая женщину в наших постановках. И даже с праздничными плясками городских девушек я не обнаружил совершенно никакого сходства. Нет, она будто древнее божество порхала, почти не касаясь земли. Не знаю почему, но я стал играть быстрее, и вот уже моя музыка взвилась языками жертвенного

костра, а девушка изгибалась, будто жрица пяти красных лун, что иногда восходят на предзакатном небе. Лунный свет придавал её коже цвет тёмного золота, а белый платок, скрывавший лицо, показался мне лёгким облаком, которое иногда касается величественных вершин, чтобы не позволить разглядеть их.

- И что ты сделал? – в тон ему выдохнул я.

- Не сдержался.

- Молодчага!

- Оборвал игру, когда она подошла совсем близко, и прикоснулся губами к самому краешку её платья.

Я накрыл лицо ладонью. Ну конечно, что ещё он мог сделать? Хорошо, хоть к платью, а не к траве или ближайшей коряге. Та девица ещё и ходила там, почему бы по такому случаю земляные комья заодно не облобызать?

- Она, конечно, пала к твоим ногам, - уже без особого энтузиазма выдал я.

- Нет, что ты, - он смущённо улыбнулся и махнул на меня рукой так, будто это я сейчас хвастался, как целовал вместо девушки платье. – В тот день она сбежала. Видимо, испугалась моего неказистого вида.

- Ты не разговаривал с ней?

- Нет.

- Тогда вряд ли, - придиричиво оглядев его, я почесал затылок. – Твой вид ничем не хуже любого другого. Если ты, конечно, не надеваешь на себя что попало.

Он тоже осмотрел себя и, беззаботно пожав плечами, продолжил:

- Алкест так и не призналась, что напугало ее тогда.

- Так ты нашёл её! – я хлопнул себя по бокам.

- Да, - он счастливо улыбнулся. – Пришлось побывать далеко за пределами Зудящего леса.

- Святой опоссум! И ты видел всех этих тварей?

- Они совсем не твари, - он нахмурился. – Там живут очень интересные и мудрые народы.

- Кто это? Орки и гномы? – я поморщился.

- Да. Орки сильны и бесстрашны, гномы мудры и непоколебимы, гоблины хитры, но всегда находят выход из любой ситуации, а тролли обладают древними знаниями и оттого легко справляются с трудностями.

- Фу, - протянул я. – Как же просто тебя облапошить, мой наивный друг.

Он снова пропустил высказывание мимо ушей.

- Но я так и не нашёл её, пока ты не подсказал мне как быть.

- Я?

- Ты играл влюблённого юношу из старой трагедии, который общался с возлюбленной, оставляя письма для неё в щели рассохшегося дерева. Я понял, что должен поступить так же. Отправившись на ту самую поляну, где впервые увидел её, я привязал записку к одной из веток. На следующий день я снова вернулся туда, моей записки уже не было, но я оставил новую. Так происходило довольно долго, пока я не начал терять надежду, подозревая, что лесные птицы уносят мои письма. Но вдруг она пришла сама. Она положила все двадцать пять записок к моим ногам и сняла с лица платок.

Переживания друга передались мне, и я слишком громко выкрикнул:

- И что?

Некоторые посетители трактира повернули головы в нашу сторону.

Он наклонился ко мне и чуть понизил голос.

- А то, мой друг, что я успел повидать множество девушек в трёх дюжинах многообразных миров, но никогда не встречал такой красоты. Алкест – само совершенство.

Он замолчал, восхищённо уставившись мимо меня. За спиной послышался звонкий насмешливый голос:

- Ты говоришь, как убелённый сединами старик.

Игрис преобразился. Если я думал, что до сих пор на его лице отражалось счастье, то нет. Тот восторг, что я увидел сейчас, невозможно было сравнить ни с чем. С огромным любопытством я обернулся на голос. Игрис встал.

- Я говорю как есть, любовь моя.

Девушка и вправду была очень стройной, и даже дорожный плащ не прятал приятных округлостей её груди, но, - и я не смог скрыть своего разочарования, - её лицо было почти полностью укутано светлой тканью, открывая только ярко-зелёные глаза, лучащиеся задорной хитринкой.

- Позволь тебе представить, - проговорил Игрис.

Но тут в зале началась какая-то возня, вперемежку со сдавленными вскриками, и к нам, словно безумная белка-крупнощёк, подскочила всклоченная Пышка. За ней прибежал хозяин. Пытаясь вразумить непослушную дочь, он ухватил её за руку, но та изловчилась, вывернулась и набросилась на Алкест.

- Ах ты гадина! Вздумала увести у меня жениха?

И прежде чем мы успели предупредить её движение, она сорвала с головы соперницы платок. В зале наступила абсолютная тишина.

- Мамочки! Троль! Взвизгнула перепуганная Пышка и свалилась в обморок.

В момент, когда бесчувственная девушка достигла пола, трактирные завсегдатаи пришли в себя. Угрожающе потрясая кулаками, они медленно двинулись на нас.

- Бегите, - прошипел я, открывая объятия навстречу толпе.

- Мой мотоцикл во дворе, - крикнул Игрис невесте.

Я ругнулся, мне ужасно не понравилось незнакомое слово.

- И откуда только набрался всей этой дряни? – зло процедил я.

- Держи, это моя последняя пьеса, она принесёт тебе удачу, - он вытащил из-за пазухи кипу исписанных листов, сунул мне и поспешно выскочил вон из трактира.

Ещё некоторое время я, как мог, сдерживал натиск. Мне отдавили обе ноги, оплевали лицо и даже один особо одарённый попытался ткнуть пальцем в глаз, пока я, наконец, не вспомнил о подаренном Игрисом кошельке. Ударив ногой по колену того, кто был поближе, я воспользовался временным замешательством, вытащил мешочек из кармана и, зачерпнув горсть монет, кинул в толпу. Это сработало. Ко мне живо потеряли интерес.

Покинув таверну, я с наслаждением вдохнул вечерний воздух.

- Поистине любовь слепа, мой глупый друг, - улыбнулся я, наблюдая за тем, как медленно ползёт за горизонт огромное багровое солнце. – Надеюсь, ты будешь счастлив.